

26 ИЮНЯ В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ СОСТОИТСЯ КОНЦЕРТ
ЛАУРЕАТОВ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ПИАНИСТОВ ИМ. РИХТЕРА

По теории неизбежного зла

КОНКУРС

Алексей ЮРЬЕВ

По общему признанию, конкурс — самое яркое событие юбилейного рихтеровского года. Устроители постарались сделать все возможное, чтобы привлечь к нему внимание всех и вся. Экзотические условия участия (возрастной ценз определен не сверху, а снизу — старше 23-х лет), свободная программа (ограничений вообще никаких, обязательно только исполнение во втором туре музыки, написанной после 1960 года), наконец, состав жюри (бесспорно авторитетные, но в большинстве своем абсолютно чуждые разветвленному конкурсному бизнесу музыканты). Несмотря на то, что рихтеровский конкурс еще не вошел в мировые анналы, эксперты предрекают его победителю яркую карьеру. Члены жюри — выдающиеся пианисты Элисо Вирсаладзе и Дмитрий Башкиров — полагают, впрочем, что главные итоги фортепианного ристалища не в этом, или не только в этом.

Дмитрий БАШКИРОВ:

— Что касается меня, я, например, терпеть не могу конкурсы и принимаю их как неизбежное зло, как печальную необходимость для молодых музыкантов. Я не то чтобы отрицаю конкурсы как таковые, я просто считаю, что это скорее вред для развития молодой творческой личности, чем польза. Неизбежен здесь элемент какой-то спортивности, в самом понятии «конкуренция» есть что-то чуждое подлинному творчеству. И очень мало людей, которые могут в конкурсной ситуации абстрагироваться от этого и играть так, как их природа им диктует. Но все же, если мы услышим хотя бы нескольких, да пусть и одного или двух пианистов, которые смогут продемонстрировать свою неподдельную индивидуальность, — цель конкурса можно считать достигнутой. Между прочим, сам Рихтер, который тоже много раз говорил, что такие состязания — абсолютная ерунда, начал свою карьеру с победы на первом Всесоюзном конкурсе. Во всяком случае, мне кажется, что здесь сделано все, чтобы условия не сковывали человека, а, наоборот, позволяли ему раскрыться. И поэтому работа в жюри меня привлекает. Вот хотя бы одна мелочь: решили отказаться от должности председателя. Всем нам доверяют одинаково и всех нас уважают одинаково. Может быть, не всех одинаково любят. Но зачем нам председатель? Мы же все коллеги, и очень хорошо, что не только пианисты и дирижеры. Виолончелисты, критики среди нас. Мы занимаемся одним делом, и кроме него никаких других приоритетов не должно быть. Это же не правительство, не прокуратура, не суд, а жюри международного конкур-

Дмитрий Башкиров и Элисо Вирсаладзе слушают конкурсантов

са, и разговор идет о музыке. Это решение по-настоящему демократическое, и это очень музыкантское решение. Всем нам спокойнее работать.

Мне кажется, что в лучшую сторону отличается и программа конкурса. Мы не навязываем конкурсантам обязательный репертуар, слушая который по десятому разу, сходишь с ума. И самое, пожалуй, главное: мы даем возможность заявить о себе исполнителям уже зрелым, которые что-то уже понимают в музыке, а не просто овладели техникой игры на инструменте. Иногда говорят, что, мол, в консерватории надо правильно научиться играть на рояле, а потом пусть развивают свою индивидуальность. Я-то всегда думал, что техника — одно из условий музыкальности, а никак не наоборот. Мне кажется, что также думал и Рихтер. Он, кстати, обладал исключительной исполнительской интуицией — одним из главных, на мой взгляд, качеств настоящего музыканта. Интуиция, она ведь из сферы непознаваемого. Всегда привожу пример с Владимиром Горовицем. Мне говорили его соученики по Киевской консерватории: «Он же никогда не ходил в Сократах, но иные сочинения играл так, что просто не понять, откуда что берется». И Святослав Теофилович был исключительно живым, постоянно развивавшимся музыкантом. Когда спрашивают, что именно он сделал в исполнительском искусстве, я всегда затрудняюсь с ответом. Он ничего такого не создал, что можно было определить словами. Но он обладал

■ Прошел бы, скажем, Фишер во второй тур? Наверняка нет. А Артур Шнабель? Тоже нет, сказали бы: у него неровные гаммки ■

магической, почти волшебной силой. Он заставлял себя слушать, даже тех, кто и музыку-то не слишком любит. Например, если вспомнить его гастроль по необъятным просторам СССР. В 1995-м я его слышал в Испании на концерте, когда он был уже слаб физически. Он начал играть сонату Бетховена, через несколько тактов остановился, а потом повторил все с начала. Потому что был собой не доволен. Но собрался и с таким напором, с какой-то яростью все сыграл. Он спорил с самой природой, с какими-то закономерностями и побеждал их. Меня в нем поразило многообразие одаренности. Каким художником он мог бы быть!

Элисо ВИРСАЛАДЗЕ:

— Я вообще конкурсы ненавижу. Само слово «конкурс» меня раздражает. Чаще всего, молодые люди, которые интересны, его не проходят. Я часто задавала себе вопрос: прошел бы, скажем, Фишер во второй тур? Наверняка нет. А прошел бы Артур Шнабель? Нет, сказали бы: у него неровные гаммки. Сафроникский не успел бы начать играть, его бы тут же скинули. А это великие имена, великие пианисты! Конечно, я не люблю конкурсы, но это не означает, что я в них не участвовала и не участвую теперь, так сказать, с другой стороны.

ДОСЬЕ

Конкурс пианистов им. Святослава Рихтера организован одноименным Благотворительным фондом (директор Асир Розенберг).

Первая премия — 30 тысяч долларов, вторая премия — 20 тысяч, третья — 15, четвертая — 10, пятая — 8, шестая — 5, премия Фонда Рихтера — 3 тысячи, премия Союза композиторов России — 2 тысячи. Кроме того, будет вручен приз Московской консерватории.

Рихтер был не просто пианистом. Это был человек, я бы сказала, эпохи Возрождения, который мог бы все, если бы захотел. Он мог бы быть режиссером, мог бы быть дирижером, но он был и остался пианистом.

Когда речь идет о том, что оказывает на тебя такое сильное эмоциональное воздействие, как концерты Рихтера или даже его записи, трудно сказать, что именно и как именно на тебя повлияло. Это было воздействие не только профессионального, но прежде всего личного свойства. Связанное с тем, как он относился к публике, к своему делу. Каждый концерт, каждая нота становились событием абсолютной важности. Кроме того, его отношение к звуку, расширение выразительных возможностей фортепиано. Он, кажется, несмотря на все общепризнанные успехи, никогда не был собой доволен. Постоянно что-то искал новое: репертуар, какие-то ходы выразительные и, главное, новые смыслы в музыке. И еще это был редкий случай, когда все усилия вознаграждались: ему не надо было анонсов, не надо было никакой рекламы, он если и в Доме культуры каком-нибудь заштатном играл, публика ломилась. Сейчас таких звезд безусловных просто нет. Но это конечно же не значит, что раз таких нет, то и другие музыканты не нужны. Откуда же взяться звездам, если не поддержать их на том этапе, когда они уже могут вести концертную жизнь, но не имеют для этого возможностей? Чтобы зарабатывать, надо сначала вложить. И вот мы постарались сделать конкурс, который принципиально отличается от других. Сейчас во всем мире есть очень печальная, на мой взгляд, тенденция: ставка

на юный возраст. На сцену выходят почти дети, или собственно дети, и это составляет единственное содержание их выступления. В результате появилось много почти одинаковых исполнителей. Они не плохи совсем, но их личности не доросли до музыки. Им, как правило, нечего сказать. Хотя технически играть они вроде бы умеют. Еще недавно мы выражали тревогу о том, что все заняты техникой в ущерб художественной выразительности. А сейчас техникой уже кажется все овладели и стали удивлять ранним развитием. Конкурсы привлекают все более и более молодых участников: если раньше был ценз до 30, то теперь до 25. Это ничего кроме возмущения не вызывает! Ведь юный человек начинает думать, что он уже все знает и умеет. При том, что никакого культурного багажа у него нет. Разобраться в самом себе, в своих пристрастиях ему просто некогда. На это нужно время. Замеча-

тельный пианист и педагог ленинградский Натан Перельман говорил: «От такого режима жизни у меня начинается аритмия». Так вот у нас везде — аритмия, какая-то странная паника, стремление не опоздать, прийти раньше другого. И очень часто человек вырабатывает свой ресурс — и физический и творческий — ускоренными темпами, не успев как следует сформироваться. Исполнители, которым еще не исполнилось тридцати, начинают метаться по конкурсам, теряя индивидуальность, ни разу ни на чем не сосредоточившись.

И вот, повторяюсь, в нашем конкурсе мы решили все сделать по-другому. Задачу раздать премии — мы отодвинули с первого плана. Прежде всего мы стремимся найти новых интересных исполнителей. Заявок поступило более ста, мы выбрали 35. И я уже сейчас могу сказать, что среди участников нет случайных людей. Все они — музыканты. Вне зависимости от того, попадут ли они в финал, получат ли премии.

Я хотела бы отдельно подчеркнуть, что мы устраивали конкурс Рихтера не в качестве какой-то альтернативы. Существует Конкурс Чайковского, и он остается нашим музыкальным символом. Конечно, в его условиях можно было бы что-то и поменять. Но о чем говорить, если мы только недавно узнали, что он пройдет не в следующем году, а в 2007-м? Кто-то готовился, кто-то строил планы — и вдруг уже все решено где-то в сферах. Я считаю, что это совершенное безобразие. При этом никто не думает как о музыкантах, так и о публике. Ведь конкурсы существуют и для нее тоже. Это еще один способ заинтересовать людей музыкой. ■

Рихтер Святослав (конкурс)

30.06.05